

The background of the book cover is a dramatic, painterly illustration of a German bomber aircraft, likely a Heinkel He 111, flying through a turbulent, fiery sky. The sky is filled with swirling clouds in shades of orange, red, and yellow, suggesting a battle or a sunset. The aircraft is shown from a low angle, emphasizing its size and power. The tail fin of the plane is visible, featuring a dark emblem. The overall mood is intense and historical.

Хайнц Кноке

Я ЛЕТАЛ ДЛЯ ФЮРЕРА

Дневник офицера люфтваффе
1939—1945

Хайнц Кноке
Я летал для фюрера.
Дневник офицера
люфтваффе. 1939-1945

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609485

Я летал для фюрера. Дневник офицера люфтваффе. 1939-1945:

Центрполиграф; Москва; 2004

ISBN 5-9524-0197-X

Аннотация

На страницах дневника немецкого офицера, летчика-истребителя, Хайнца Кноке передана атмосфера сначала предвоенной, а затем и военной Германии. Непосредственный участник тех страшных и драматичных событий подробно описывает боевые вылеты и смерти товарищей, пирушки после удачных побед, слезы матерей и любимых, чувства, переживаемые бесстрашными асами в каждом полете, и горечь от утраты нацистских иллюзий.

Содержание

Предисловие	4
1	7
2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Хайнц Кноке

Я летал для фюрера

Дневник офицера

люфтваффе 1939–1945

Предисловие

Закончив чтение этой книги, я невольно вернулся на первую страницу: то, что Кноке родился в Хамельне, показалось мне иронией судьбы. Он пишет: «Многим известна история Крысолова», но не говорит дальше о том, что в действительности сам повторил эту историю в своей жизни. Как дети Хамельна, околдованные волшебной музыкой, последовали за Крысоловом, чтобы навсегда исчезнуть в горных пещерах, так и юный Кноке был увлечен колдовством другого «музыканта» – Адольфа Гитлера, подтолкнувшего его к пропасти.

Этот молодой человек был очень похож на обычного американского парня, отправившегося воевать за Соединенные Штаты, – впечатлительный, увлеченный романтикой войны и глубоко любящий свою родину. Нельзя осуждать его за то, что он родился немцем. Я хотел бы, чтобы этот прекрасный

летчик, очень храбрый человек служил в одной из моих эскадрилий.

Но Кноке был обманут своими вождями. Высшие военные чины Германии времен Второй мировой были убеждены военными историками в том, что они сплошь военные гении. Кроме того, главенство принадлежало воинственной группе, чьи действия были основаны на лжи и полной беспринципности. Это в конечном счете и развалило немецкую военную машину. Истинная сущность правящей верхушки Германии особенно явственно проявилась при разгроме немецких войск, описанием которого Кноке заканчивает книгу, показывая, насколько истерично и непрактично действовало военное и политическое руководство.

Некоторые детали в этой книге кажутся мне преувеличенными. Например, я не могу поверить словам Кноке о том, что каждый немецкий ас сбил по 150 самолетов союзников. И наши летчики могли, при всяком удобном случае, таким образом прихвастнуть. Эта книга пестрит описаниями, которые я считаю явной нацистской пропагандой, предназначенной для импульсивной молодежи. Но в общем дневник показывает достоверную картину войны, часто грубой, даже страшной, но всегда героической. Ожесточенная ненависть Кноке к России показательна, однако то моральное разложение, которое он видел в советском руководстве, в конце концов ему пришлось узнать и в нацистской верхушке.

Но вначале он, типичный немецкий юноша, обманутый

нацистами, не замечал этой слабости.

Обратите особое внимание на то, как он описывает день 18 декабря 1940 года, когда на церемонии в берлинском Дворце спорта он впервые увидел Гитлера: «Прошло несколько минут, и мы вскочили в напряженном ожидании, повинаясь приказу. „Идет фюрер!“ Руки взметнулись в молчаливом приветствии... Абсолютная тишина воцарилась в огромном зале... Гитлер начал говорить. Думаю, что мир не знал более блестящего оратора. Магнетизм его личности был неотразим. Весь зал пронизывало излучение его невероятной силы воли и могучей энергии».

Мне вспомнились строки Роберта Браунинга из «Крысолова из Хамельна»:

Все мальчики и девочки
С розовыми щечками и золотыми локонами
Вприпрыжку бежали, счастливые,
За чарующей музыкой, ликуя и смеясь.

Это прекрасная иллюстрация для книги Хайнца Кноке, родом из Хамельна.

*Генерал-лейтенант в отставке Е. Р. Кесада,
Воздушные силы армии Соединенных Штатов*

1

Детство

Многим известна история Крысолова из Хамельна.

Дорога в Хамельне, по которой шли дети, направляясь в горы Коппенберга, чтобы больше никогда не вернуться, известна под названием Коппенштрассе. Сейчас вдоль этой дороги протянулись серые, уродливые дома с узкими, грязными дворами. Летом здесь можно задохнуться от пыли. Дорога изрыта ухабами, которые во время весенних и осенних дождей превращаются в огромные, глубокие лужи. Эта дорога до сих пор не замощена, а ближе к концу она и вовсе превращается в узкую тропинку, ведущую к полям и огородам у подножия Коппенберга.

Мое детство прошло на этой дороге. Это было не самое подходящее место для детских игр, но и сам я был таким же, как и эта дорога, ужасным ребенком с рыжими волосами и веснушчатым лицом.

Мой отец был полицейским. Во время Первой мировой войны он служил сержантом 10-го батальона 18-го пехотного полка. Он был статным мужчиной и прекрасным солдатом. После войны он много лет служил в городской полиции, пользуясь почетом и уважением горожан. Он получил награду за битву при Фландерсе, потом был захвачен в плен в Ай-

пре в 1915 году и четыре долгих года провел в тюрьме на острове Бель-Иль в Бискайском заливе.

Вернувшись в 1919 году, он женился на красавице Энн – дочери плотника Вильгельма Мертенса. Энн унаследовала от отца невероятное упрямство, зато у нее было прекрасное чувство юмора. Даже сейчас, несмотря на седину, ее глаза весело блестят. Я очень рад, что отец сделал прекрасный выбор, женившись на Энн, – я так же поступил бы на его месте.

Я родился через год и восемь дней после свадьбы родителей, 24 марта 1921 года. Похвастаться примерным поведением не решусь, и отец не мог позволить себе мягкость в моем воспитании. Он считал, что с ранних лет я должен привыкнуть к прусскому порядку и дисциплине. Свои взгляды он подкреплял длинным кожаным ремнем, с которым моя спина была до боли знакома. Отец обращался со мной как со своими новобранцами в армии. Позднее я понял, что на самом деле он любил меня, сейчас я благодарен ему даже за порку – должен признать, она была вполне заслуженна.

Местом для игр мне служили хибары во дворе – огромные сараи или жилые дома с длинными коридорами и холлами. С ранних лет я научился обращаться с винтовкой, знал, как целиться, стрелять, чистить ее, мне несколько раз попадал в руки даже автомат. Меня никогда не пугали звуки стрельбы, я дружил с солдатами, и мы прекрасно проводили время.

Шли годы. В нашем городе редко происходило что-нибудь, способное нарушить его сонное спокойствие. Здесь, у

подножия крутых утесов, покрытых зарослями деревьев, все было так же, как много лет назад. Рядом тихо протекала река, образуя водовороты, перекатываясь через две широкие плотины. От нее шел канал к большой мельнице, расположенной на острове. Буксиры тащили против течения вереницы барж. Неповоротливые паромы и тяжелогруженные баржи дрейфовали вниз по течению вдоль чистенькой набережной. Летом толпы туристов приезжали в город на машинах и автобусах. Атмосфера средневековой романтики старого города привлекала их, а потому в городе процветали отели, рестораны, магазины и гиды, особенно по воскресеньям и в солнечную погоду.

Таким был город, где я провел счастливое и беззаботное детство.

В 1931 году я закончил четыре класса начальной школы и стал учеником гимназии. Это была старая гимназия, с давними традициями. Мне нравилось в этой старой школе, нравилось все, что она олицетворяла. Нет, я не был примерным учеником – не переставал хулиганить и, думаю, прослыл чистым наказанием для преподавателей. Казалось, они даже перестали удивляться моим проступкам, однако я вел себя так не по злой воле.

Я никогда не забуду старшего преподавателя, старика доктора Тробитиуса, самого примечательного человека в школе. Жаль, что он преподавал математику, химию и биологию. Единственное, что интересовало меня, – это философию.

фия, языки, история и искусство. Я любил заниматься спортом, особенно греблей, и летом 1937 года стал капитаном команды гребцов школы. В моем классе давали к тому же уроки танцев, поэтому на учебу оставалось очень мало времени. Вследствие этого я принял твердое решение не ходить на уроки биологии и химии. Я игнорировал эти занятия на протяжении шести месяцев, но начальство в конце концов заметило мое отсутствие, и передо мной встала реальная угроза отчисления из школы.

Меня вызвали к директору. Директор всегда был для меня просто воплощением власти – высокий, худощавый, с правильными чертами лица, всегда безукоризненно одетый отставной полковник. Он сидел за огромным столом и курил едкую калифорнийскую сигару. Позади него устроился на удобном стуле Тробитиус, его лысина блестела. Оба игнорировали меня. Я почувствовал тревогу, поскольку моя совесть была нечиста. Вероятно, я оказался не так умен, как мне виделось.

И почему же вы пропускаете занятия доктора Тробитиуса? – наконец осведомился директор.

Я мог бы попытаться извиниться, сказать, что у меня болело горло, или прибегнуть к какой-то еще уловке из моего арсенала, но на этот раз решил сказать правду. Я не из тех дуралеев, которые всегда говорят правду, но тогда я понял, что это лучший выход. Мне не хотелось, чтобы меня мучила совесть из-за того, что я солгал директору. К тому же я по-

нял, что правда может произвести благоприятное впечатление и это может смягчить мое наказание.

Я совершенно откровенно сказал директору, что мне не интересны уроки доктора Тробитиуса – они слишком сухи и скучны. При этом с Тробитиусом, естественно, чуть не случился припадок. Директор изумленно смотрел на меня – он ожидал услышать одну из обычных уверток. Затем громовой раскат его голоса вышиб меня из кабинета, однако молния обрушилась на голову бедного старого Тробитиуса, после того как я вышел из комнаты.

Меня не наказали. Уроки доктора Тробитиуса после этого, кажется, стали интереснее...

В то же лето, на уроках танцев, я впервые влюбился. Я обожал предмет своей страсти со всем романтическим пылом 16 лет. Ее звали Лизлотт, отец ее был врачом, а мать – дама высшего света, которая совершенно не замечала меня, поскольку мой отец был простым полицейским.

Приблизительно в то же время я начал писать, смог даже продать несколько маленьких рассказов и статей. Это принесло мне долгожданные деньги на карманные расходы. Я написал несколько маленьких поэм для Лизлотт. Она была в восторге.

Следующий год я сходил с ума от любви к Аннелиз – девушке с умопомрачительной фигурой. Я подарил ей те же самые поэмы. Все, что пришлось изменить, – это имя. Она была счастлива. Обеим я поклялся в вечной преданности. Но

после того, как стал летчиком, я забыл обо всех обещаниях, которые им давал. Однако я до сих пор горжусь тем, что мои рыжие вихры и веснушки на носу покорили их.

Кроме любви к Лизлотт и Аннелизе, я чувствовал привязанность к старой школе, к нашему городу с его старинными узкими улочками, к гребле на реке. Моей истинной любовью была сама жизнь.

В 1931 году я вступил в ассоциацию бойскаутов. Мы путешествовали по всей Германии, разбивали лагеря, гордились нашим братством и распевали песни, сидя у костра.

В январе 1933 года, когда нацисты пришли к власти, мне было 12 лет. Я прекрасно помню тот день 30 января. В полдень штурмовые группы вступили в город и подняли над зданием мэрии флаг со свастики. Мой отец в это время был там на дежурстве. Он и два других офицера полиции сняли флаг. Этот инцидент ему потом не раз припоминали.

Несколько недель спустя здание, принадлежащее церкви, было передано различным молодежным организациям. Я был среди тех скаутов, которые посещали их собрания. Выйдя как-то из церкви на рыночную площадь, мы натолкнулись на членов гитлерюгенда, завязалась такая ожесточенная драка, что была вынуждена вмешаться полиция.

На Троицу на пустоши около Люнебурга собрались в палатках 20 000 скаутов. Гитлерюгенд попытался разрушить наш лагерь. Мы отогнали их, хорошенько избив, за что и по-

платились – слет был запрещен по распоряжению министра внутренних дел, палаточный лагерь следовало свернуть в течение нескольких часов. Ассоциация бойскаутов была объявлена незаконной организацией, а всех ее членов включили в состав германского юнгфолька, младшего подразделения гитлерюгенда. Мы, бывшие скауты, образовали собственный отряд, продолжив походы, лагеря и вечера с песнями у костра, как и прежде.

В 1935 году, когда мне исполнилось 14 лет, я был уже годен для того, чтобы вступить в гитлерюгенд, но отказался от этого. Два года спустя, однако, вынужден был уступить давлению и вступить в механизированные силы гитлерюгенда. Вскоре у меня начались споры с начальством. Как капитану школьного яхт-клуба, мне настоятельно рекомендовали подкорректировать мои взгляды. Это случилось после гонок на регате, когда некоторые члены клуба снова ввязались в драку с юнцами из гитлерюгенда, постовой службы, разновидности молодежной службы безопасности. Чтобы избежать позорного увольнения, я опять перешел в юнгфольк. Там в моем ведении находилась спортивная подготовка ребят, таким образом я мог избавить их от лишней муштры и обеспечить им условия для развития и приятного отдыха.

Гитлерюгенд мало чем отличался от других нацистских организаций. Однако нужно заметить, что национал-социалистские принципы и идеалы пользовались большой популярностью в молодежной среде. Мы восприняли их с боль-

шим энтузиазмом. Мы искренне гордились тем, что наша любимая страна возрождается на наших глазах, когда мы еще молоды.

6 июля 1938 года – день, когда я совершил мой первый полет.

Это были показательные полеты на старом транспортном самолете, который взлетел с большого поля на окраине города. Пятнадцать минут волшебного полета стоили всего несколько марок.

Я сидел, привязанный к креслу, в самолете, похожем на обрубок. Заурчали двигатели. Самолет, неуклюже раскачиваясь, стал разворачиваться у края ухабистого поля. Взревели двигатели, самолет два или три раза подпрыгнул на ухабах, и трава стала уходить куда-то вниз. Я летел.

Мы набрали высоту. Напротив моего кресла лежала коробочка с надписью «От морской болезни». В ней было несколько бумажных пакетов. Я удивился, зачем они нужны. Не было ни какой-либо качки, ни воздушных ям, ни сотрясений, разве что мягко вибрировали кресла. Мы поднимались все выше и выше. С такой высоты мой дом казался до смешного маленьким. Скоро мы уже поднялись выше гор, окружающих город. Линия горизонта исчезала в тумане. Поля уменьшились в размерах и превратились в мозаику из маленьких квадратов, с палитрой цветов от темно-зеленого у поймы реки до ярко-желтого на горчичных полях, ландшафт был изрезан дорогами, железнодорожными путями и изви-

вающейся серебристой лентой реки, виднелись игрушечные городки и деревеньки с черными и красными крышами, среди лесов выделялись лужайки, – все это поражало великолепием цветовой гаммы. На дорогах двигались маленькие точки – машины или телеги, по реке плыли баржи и паромы. Крошечный поезд еле тащился по железной дороге, напоминая маленького черного червя. Когда мы повернули, мне показалось, что вся эта прекрасная картина наклонилась, как крышка стола. Я посмотрел на облака. Они лежали плотной пеленой. «Вот бы подняться над ними!» – подумал я. В этот момент я решил, что когда-нибудь обязательно поднимусь выше облаков. С разочарованием я заметил, что мы начинаем снижаться. Земля неслась нам навстречу. Скоро, слишком скоро все кончилось.

Я восторженно рассказал про мой первый полет родителям. Они смеялись. Много лет спустя я увидел на их лицах такую же улыбку, когда, будучи уже опытным летчиком, рассказывал им о том, что совершил больше 2000 полетов. Наверное, на моем лице был написан такой же восторг, как и в тот первый раз.

Лето 1939 года

Лето – кульминация года. Я всегда был склонен считать годы моей жизни по тому, сколько раз я встречал лето, с теплыми, солнечными днями и нежно шелестящими ночами.

1939 год в Германии был очень богат событиями и оказал

грандиозное влияние на жизнь немцев. В это лето закончилась счастливая и беззаботная пора моей юности. Я еще раз побродил по пляжу, сосновому лесу в горах, прошелся мимо тучных нив, по пойме реки в долине, спустился на каноэ по реке Везер. Аннелиз была со мной в это самое прекрасное лето моей жизни. Мы вместе бродили по замкам монастыря Мелленбек и слушали орган в старом аббатстве Фишбек. Мы загорали, катались на мотоцикле по лесу Тойтобург или через долину Екстер ездили в Золинг, вместе карабкались по склонам Хоенштайна и купались в прохладной воде Везера. Мы не замечали туч, собирающихся на политическом горизонте. Что могло измениться в нашей жизни, даже если бы напряжение, скопившееся в Европе, достигло кульминации? За последние годы Германия все больше и больше сбрасывала оковы Версальского соглашения. Разве мы не имеем права жить свободно на этой земле?

Бедность, нищета, безработица? С ними уже покончено в Третьем рейхе. Учитывая это, разве удивительно, что Австрия ищет союза с сильным и преуспевающим Третьим рейхом? Здравый смысл подсказывает Судетам сделать то же самое, Мемель тоже хочет освободиться от литовского господства. Народ Германии доверился Гитлеру – так было повсюду: на съезде национал-социалистской партии в Нюрнберге или на празднике урожая в какой-нибудь глухой деревне Бюкебург, всего лишь в 15 километрах от Хамельна. Я был только одним из многих миллионов молодых энтузиастов, без-

оговорочно веривших Гитлеру и посвящавших ему всего себя без остатка.

Мы с Аннелиз наслаждались беззаботным летом, не задумываясь о черных тучах, собравшихся на горизонте. «Не нужно беспокоиться, фюрер заботится о нас» – так думали 90 миллионов немцев во всем мире.

В начале лета я подал заявление с просьбой принять меня на службу в офицерский состав военно-воздушных сил. Я надеялся сочетать военную службу и свободу летчика.

5 июля меня вызвали на вступительный экзамен. Он длился четыре дня. Психологи, врачи, преподаватели и офицеры проверяли меня и четырех других кандидатов на интеллектуальную и физическую готовность к избранной нами карьере. Первый день нас осматривали врачи разных специальностей. На второй день мы решали тесты и отвечали на сотни вопросов, задаваемых офицерами и психологами. На третий день мы оказались в «трехмерном кресле», которое вращалось в разных направлениях, – это была проверка наших реакций. Нас помещали в камеру низкого давления, напоминавшую новейшую камеру пыток, где в течение определенного времени мы переживали недостаток кислорода.

В четвертый, и последний, день проверяли нашу физическую подготовку. Бег с препятствиями, на длинную и короткую дистанции, прыжки, метание диска и копья, упражнения на брусьях и перекладине, плавание и бокс. Это был самый строгий и всесторонний экзамен за всю жизнь.

Вечером нам объявили результаты. Экзамен выдержали два кандидата. Одним из них оказался я.

27 августа 1939 года

Наша школа превращена в ночные казармы, в армию призваны резервисты. Говорят, что на восточной границе Германии и в Польше неспокойно. Почтальоны снуют по улицам всю ночь, разнося повестки и телеграммы.

28 августа 1939 года

Правительство рейха объявило о полной мобилизации. Мы на пороге войны.

В нашей школе формируется батальон резервистов. То же самое происходит во всех остальных школах города. Вокруг только серые мундиры. В городе полно солдат.

29 августа 1939 года

Мне сообщили, что скоро я получу повестку из военно-воздушных сил с приказом собираться. Мои одноклассники присоединились к добровольцам. Вечером они уже были одеты в форму.

30 августа 1939 года

Лидер местной организации юнгфолька получил повестку, и я принял под командование около 4000 юношей округа Хамельн. Их следует направить на помощь солдатам для

выполнения вспомогательных задач. На складах нужно помогать при погрузке продовольствия, обмундирования, оружия и боеприпасов; помощники нужны в казармах, в полевых кухнях нужно чистить картошку и т. д. Где бы ни были солдаты, ребята приходят им на помощь.

Вечером первый из вновь образованных батальонов погрузился в поезд на товарной станции. Вагоны украшены цветами, поскольку состав отправляется на восток, но лица серьезны. Среди отъезжающих я узнал нескольких одноклассников. Стальные каски резко контрастируют с юными лицами. (Большинство из них я не увидел больше никогда.)

31 августа 1939 года

Известия о зверствах поляков в отношении немецкого меньшинства произвели сегодня ужасное впечатление. Тысячи немцев стали жертвами резни, устроенной сегодня на земле, бывшей когда-то территорией Германии. Еще больше людей прибывают на территорию рейха, рассказывая жуткие истории.

1 сентября 1939 года

В 5.40 утра немецкие войска с боями перешли польскую границу. Это означает начало войны.

Закончилось последнее лето моей юности. Так ничтожное, незначительное, индивидуальное поглощается безжалостным потоком времени. Я должен принять войну, на-

крывшую меня как лавина. Нужно сделаться твердым как сталь, или я буду раздавлен. Мое самое горячее желание сейчас – стать солдатом.

5 сентября 1939 года

сентября Геринг приказал мобилизовать все гражданские авиационные службы защиты. Вчера поступило неожиданное сообщение о том, что Англия и Франция объявили войну германскому рейху. Сегодня над Хамельном впервые раздался вой сирен, предупреждающих о военном налете, когда британские бомбардировщики атаковали порт и немецкие военные объекты на побережье Северного моря.

8 сентября 1939 года

Варшава пала.

Война с Польшей оказалась молниеносной. Превосходство немецкой армии позволило совершить неудержимый марш к победе. Непередаваемые ощущения охватили нас, когда были освобождены пленные немцы – жители Польши. Картины ужасных зверств и преступлений против всякого представления о человечности открылись нашей армии. Недалеко от Бромберга и Торуня были найдены массовые захоронения тысяч немцев, замученных польскими коммунистами.

Польская армия разбита, уничтожена польская военная авиация. Здесь, в Германии, все говорят, что война будет за-

кончена к Рождеству. Люди хотят мира. Но нам пришлось заплатить за мир человеческими жизнями.

11 сентября 1939 года

Сегодня утром мой отец уехал на службу в Польшу вместе со своим полицейским отделением.

Моя сестра пережила первый воздушный налет англичан на острове Вангероге в Северном море.

Мы с матерью остались одни в нашем доме в Хамельне – в «крысиной норе». Здесь удивительно тихо. Скоро уеду и я. Война в Польше подходит к концу. Мы уже можем, наверное, надеяться, что наша семья соберется к Рождеству после разлуки.

Я хотел узнать подробнее о дате моего отъезда, но не получил внятного ответа – одни туманные обещания. Не знаю почему, но мне хочется побывать на настоящей войне.

27 сентября 1939 года

Через несколько дней после вступительных экзаменов я узнал, что принят. Учеба в школе закончена. Много раз я проклинал мою старую школу, но все-таки любил ее. Прощай, родная школа, прощай, старый добрый доктор Тробиус. Все-таки он простил мне то, что я пропускал его уроки, долго жал мне руку, желая удачи в жизни и на службе. Вчера я узнал о смерти двух моих одноклассников. Оба погибли в бою при Радоме.

30 октября 1939 года

Сегодня я наконец-то получил повестку о призыве в военно-воздушные силы. Мне надлежит 15 ноября прибыть в расположение 11-го тренировочного полка, расположенного в Шенвальде, недалеко от Берлина.

Война в Польше продолжалась чуть больше месяца. Сравнительно небольшая активность наблюдается на наших западных границах. В операциях задействована только авиация. Я с огромным нетерпением жду первого боевого вылета.

13 ноября 1939 года

Медленно тянутся дни, сливаясь в недели, а меня терзает нетерпение. Всего через два дня я стану солдатом.

Мой последний день дома. Мать предпочитает не говорить о моем отъезде. Я знаю, что ей будет трудно остаться одной.

14 ноября 1939 года

Сегодня днем я покинул Хамельн. «Все будет хорошо», – сказала мать. Они с Аннелиз провожали меня, махали мне, когда поезд стал отходить.

Это была моя последняя ночь как гражданского человека, я провел ее в Берлине, шум и суeta большого города меня утомили.

15 ноября 1939 года

В 15.15 я прибыл на аэродром Шеневальд, где располагается 11-й учебный полк, и доложил дежурному 4-го батальона. Отныне я на военной службе. На складе мне выдали брюки, которые болтались на мне, тесный мундир, пару невероятно тяжелых сапог и стальную каску, которая была мне очень мала.

Я рискнул робко намекнуть насчет каски, но сержант-квартирмейстер резко оборвал меня. «Заткнись! – рявкнул он. – Каска как раз впору. Ты слишком много о себе воображаешь».

С этого момента я смотрел на все широко раскрытыми глазами. Все приказы должны выполняться бегом. Казарма напоминает муравьиную кучу. Все носятся в разные стороны, доносится эхо приказов, топот тяжелых кованых сапог гремит по коридорам и лестничным площадкам – солдаты, солдаты, солдаты везде. В этом странном и страшном мире я почувствовал себя одиоко.

24 декабря 1939 года

Сочельник. Война давно должна была закончиться. Первый раз я встречаю сочельник вдали от дома. Там, наверное, уже выпал снег, а у нас несколько дней идет дождь. Наша подготовка в самом разгаре, тренировки просто изматывают. Каждый день однообразная, рутинная работа: занятия на плацу, маршировка, маневры, огневая подготовка, физиче-

ские упражнения, занятия в аудитории, хозяйственные обязанности, смотры и т. д.

Я снова убедился в том, что отнюдь не вундеркинд. В самом деле, я уже так долго хожу в сержантах, что решил, если я когда-нибудь буду аттестован как офицер, то уволюсь со службы и откажусь от рождественских подарков на семь лет. Во время бесконечной муштры я представляю, как заеду прикладом по голове этому умнику.

Я смертельно устал. Завтра вечером заступаю в караул, зато на следующий день могу поспать лишний час. Этот час – лучший рождественский подарок для меня.

26 декабря 1939 года

Сегодня у нас бокс. Нам запрещено выходить из лагеря. Я перелез через забор, увидев девушку, которая сказала, что ищет брата. Поспрашивал ребят, но не нашел его, поскольку было уже темно. Мы несколько часов погуляли в лесу, я поцеловал ее. Она хотела вернуться, чтобы узнать, может ли она встретиться с братом в воскресенье. Возможно, мне удастся поцеловать ее еще раз. Хочу посмотреть, как она выглядит при дневном свете. Если бы сержант или караульные увидели, что я перелез через забор, я получил бы три дня гауптвахты.

31 января 1940 года

8 января я зачислен в Военную академию. Здешняя жизнь – совсем не пикник у озера. Монотонная муштра на плацу в лучших прусских традициях, но я уже привык к этому. «Здесь вы станете твердыми, – твердят они, – твердыми, как сталь Круппа. Каждый, кто даст слабину, будет отчислен».

Наша жизнь – это переходы от занятий на плацу к занятиям в аудиториях. Нам приходится штудировать учебники даже в казармах, часто до поздней ночи. У нас первоклассные инструкторы, офицеры, сержанты, технические работники, они передают нам всесторонние знания по таким дисциплинам, как тактика воздушного и наземного боя, авиация, инженерное дело, артиллерийское дело и метеорология. Вдобавок мы проходим курс для младшего командного состава.

Сейчас мы ждем, когда погода станет устойчивой, – тогда начнутся тренировочные полеты.

17 февраля 1940 года

В 13.50 я совершил мой первый полет на «Фокке-Вульф-44» – учебном биплане с двойным управлением (идентификационные буквы TQBZ) с инструктором Ван Дикеном.

23 февраля 1940 года

За последнюю неделю я совершил 35 полетов. Земля покрыта глубоким снегом, поэтому к самолетам приделаны лыжи.

Тридцать шестой полет – проверочный: со мной летит старший лейтенант Волль, старший инструктор курса. Он совсем не в восторге от моих действий.

1 апреля 1940 года

Я уже совершил 83 тренировочных полета. Старший лейтенант Волль экзаменовал меня на последних двух. «Это нельзя назвать приземлением – чуть лучше, чем контролируемое падение», – покачал он головой.

Вдобавок я потерял управление, заходя на посадку. Самолет полностью вышел из повиновения, и от безнадёжности суетливо дергал за штурвал.

Я поздно понял, что мы вошли в штопор, и чуть было не врезался в церковь, стоявшую неподалеку. Волль схватил штурвал и взял управление на себя, потом повернулся ко мне: «Вы что, хотели сделать мою жену вдовой? Идиот несчастный!» – прокричал он.

Мне дан еще один шанс, определенно последний, после того как я совершу еще десять учебных полетов с Ван Дикеном. Курсанты, которые провалили летный курс в Военной академии, отправляются в войска ПВО. Это очень неприятная перспектива.

2 апреля 1940 года

Сержант Ван Дикен принял меня сегодня на десять заключительных полетов. Остальные курсанты уже давно летают одни. Завтра я сдаю последний раз тест старшему лейтенанту Воллю.

В группу под руководством инструктора Ван Дикена входят, кроме меня, еще три курсанта: Гайгер, Менапаса и Хайн, мы живем в одной комнате.

Гайгер родом с севера Германии, замкнутый, но очень энергичный. Его отец – простой рабочий. Он получил право учиться в «Школе Адольфа Гитлера», и это был прекрасный шанс для такого способного мальчика. Поступив в вуз, он получил право быть аттестованным как офицер.

Менапаса и Хайн – австрийцы. Оба родом с гор Тироля. Сепп Менапаса – лучший летчик из нас. Кажется, он управляет самолетом инстинктивно. Низкий, смуглый и очень выносливый – настоящий хищник. Он робок и неуклюж в отношениях с окружающими, на земле движения его мускулистого тела напоминают работу автомата, но в воздухе он чувствует себя как дома, двигаясь осторожно, по-кошачьи. Природные данные позволяют ему управлять самолетом так, словно он занимался этим всю жизнь.

Хайн стал летать один после сорокового полета с нашим инструктором. Все трое наблюдали мои последние приземления и подбадривали меня. Даже Гайгер процедил: «У тебя

все будет хорошо».

3 апреля 1940 года

Ровно в 13.00 я первый раз полетел один.

«При посадке самолет лучше выровнять на десять метров выше, чем на метр ниже земли!» – прокричал мне на прощание старший лейтенант Волль, перекрыв шум двигателя, и с сардонической ухмылкой отступил назад.

Я пристегнул ремень безопасности. Постепенно прибавлять скорость, движение вперед, когда возрастет скорость – штурвал на себя. «TQBZ» практически взлетел сам, и я оказался в воздухе раньше, чем кончилась взлетная полоса. Кончики крыльев задрожали, в динамике прозвучало предупреждение: «Осторожно! В воздухе курсант, он совершает свой первый самостоятельный полет. Будьте внимательны, если вам дорога жизнь».

За несколько минут я облетел аэродром. Напряжение постепенно ушло, и я начал расслабляться. Не нужно большого напряжения, чтобы держать самолет в повиновении. Я посмотрел вниз и увидел тени облаков, несущиеся по земле. Я действительно лечу, свободный, как птица!

Пора на посадку. Я начал снижаться, земля устремилась мне навстречу. Сбросить скорость, выровнять машину, сейчас помягче, касание! Я на твердой земле, и даже самолет цел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.